

Степан Стурейко

историк, культурный антрополог, доцент Европейского Гуманитарного Университета и лидер Белорусского комитета ИКОМОС (Международный совет по памятникам и достопримечательным местам). Занимается теорией культурного наследия, новой музеологией, развитием сообществ наследия. Автор трех монографий и около 40 академических статей.

Фото Натальи Задерковской

История больше, чем кажется: сохранение культурного наследия в Беларуси

The History Bigger than it Seems: Preserving Cultural Heritage in Belarus

Степан Стурейко

The aim of the article by EHU's Associate Professor Stsiapan Stureika is to set a large-scale task for studying the history of preserving cultural heritage in Belarus. This history is capable of providing a key to understanding national processes that took place in the Soviet republic starting from the 1960s. Additionally, this history allows revealing the internal logic of the development of the heritage sector in Belarus, comparing it with similar processes and challenges that professionals in other European countries face. Finally, referring to the history of heritage is a good way to overcome national complexes and to demonstrate that we have something to be proud of.

Идея заняться изучением истории сохранения культурного наследия в Беларуси родилась благодаря двум обстоятельствам.

Во-первых, это моя общая неудовлетворенность качеством публичной дискуссии о наследии в Беларуси, сводящейся зачастую к обвинительному пафосу. Этот пафос адресуется не только современным деятелям, осуществляющим реставрации и реконструкции, но и ретроспективно всем предшествующим. В типичном представлении заинтересованной общественности история наших отношений с архитектурными памятниками сплошь состоит из попыток их уничтожения не то бездумной, не то злонамеренной (тут единодушие отсутствует) советской властью. Как будто происходит некое соревнование мракобесия с непрофессионализмом. И то, и другое направление беспощадно расправляется с теми, кто ратует за сохранение памятников, загоняет под асфальт любые ростки разумного, национального и европейского. Не то что в Польше или Литве, где государство даже в социалистический период заботилось

о наследии, где происходили масштабные реставрации, на которые и сегодня приятно смотреть и которыми нельзя не восхищаться.

Однако такой взгляд кажется мне чрезмерным упрощением, особенно непозволительным для тех, кто давно работает в сфере наследия и обладает определенной экспертизой. Если бы все это было правдой, как тогда объяснить наличие у нас сформированных институций, списков и сотен не только сохраненных, но и восстановленных объектов? И как объяснить многочисленные скандалы в сфере сохранения наследия и общественное неудовлетворение сложившимся положением вещей в сопредельных странах?

Во-вторых, уже много лет, а особенно часто с 2017 года, когда я стал председателем Белорусского комитета ИКОМОС, я встречаю интереснейших, харизматичных людей (обычно уже немолодых) из числа реставраторов, исследователей либо бывших госслужащих сферы культуры, рассказывающих о прежнем опыте решения той или иной проблемы, о дискуссиях, предложениях, о реализованных и нереализованных проектах, об идеях и мечтах. Я никогда не мог понять, как же соотносятся проделанный ими гигантский труд, их стремление к улучшению ситуации с сохранением наследия, определенные важные достижения с тем странным публичным образом охраны наследия, состоящим исключительно из череды провалов, неудач и непрофессиональных решений, о которых обычно принято вспоминать.

И вот я решил начать записывать разговоры с этими людьми, собирать их устные рассказы и байки, старые картинки, документы и вырезки, одним словом – свидетельства большой истории, полной надежд, борьбы, разочарований, но и, конечно же, больших достижений! Несомненно, с моей стороны в этом есть элемент тщеславия. Люди, столько сделавшие для нашего наследия, медленно уходят в вечность. Я же, собирая их истории, могу помочь

им остаться в памяти потомков и получить шанс на справедливую оценку. Мне почему-то кажется, что нам по пути. И да, я тоже хочу быть причастным к этим событиям. Ведь в конце концов, «мы стоим на плечах гигантов».

У данной темы есть, конечно, не только патетическое, но и вполне академическое измерение. Исследователи в сопредельных странах давно занимаются изучением и систематизацией опыта сохранения своего наследия. Такого рода работы подготовлены в Литве [1], Эстонии [2], Польше [3] и многих других странах. Глядя издали, видишь масштаб преобразований, их можно соотносить с международными тенденциями, можно наконец оценить эффективность избранных долговременных стратегий. Тем самым обеспечивается так необходимая рефлексия пройденного пути.

Но сегодня наша цель – не просто написание очередной качественной научной работы. Цель более амбициозна – аргументированно задать своеобразный канон истории сохранения, вписать белорусское национальное движение за сохранение памятников в международную историю культурного наследия. Сделать так, чтобы в конечном счете эта история отразилась в текущих интерпретациях наследия, проникла в музейные экспозиции и рассказы гидов, стала неотъемлемой частью истории городов и деревень, такой же важной, как и история самих архитектурных памятников, их архитекторов, культурных влияний и т. п. Ведь в конечном счете то, что мы имеем в качестве наследия, существует не только как результат «натурального» исторического развития, но и как результат сложнейшей работы по сохранению, начавшейся сравнительно недавно. Это важно понимать и для повышения национальной самооценки!

Для изучения белорусской истории сохранения культурного наследия исследователям предстоит обратиться к трем типам источников:

1. Обобщение разрозненных публикаций по теории и истории архитектуры и градостроительства, вышедших в СССР и БССР с 1960-х по 2000-е годы. Таких публикаций не очень много, но, к счастью, в последнее время стали появляться целые книги, посвященные творчеству реставраторов, например В. Слюнченко [4], С. Багласова [5], М. Жиха [6].
2. Архивные материалы, представляющие собрания документов партийных и исполнительных органов, реставрационных организаций, музеев и заповедников, посвященные деятельности общественных объединений (того же Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры); частные архивы архитекторов, реставраторов и деятелей культуры – участников дискуссии о сохранении наследия.
3. Интервью с реставраторами, управленцами и общественными деятелями – непосредственными участниками описываемых событий. Эта часть, на мой взгляд, самая интересная, что подтверждают первые проведенные интервью.

Макет отреставрированного Верхнего города, подготовленный коллективом Белреставрации (руководитель Сергей Багласов), 1982 г.

Первые контуры феноменальной истории

Уже при первоначальном знакомстве с обозначенным кругом материалов можно предугадать контуры будущей истории. Самое ее начало относится к середине 1960-х годов. К этому времени робкие ростки белорусской национальной идентичности и национальных институтов, развивавшиеся в 1910–1920-х годах, уже давно были жестко прерваны сталинской репрессивной политикой построения нового советского общества, а-национального по своей сути. Вторая мировая война и продолжение сталинских репрессий практически уничтожили национально ориентированных интеллектуалов и национальные институты, сделали Беларусь к концу 1950-х годов тотально русифицированным регионом СССР, политически, экономически и культурно ориентированным на Москву, с выросшим поколением новых жителей, не имевших твердого понятия о белорусской истории, и, напротив, со стабильными советскими государственными институтами, не только не способствовавшими, но и прямо препятствовавшими

Гольшанскі замак,
начало 1990-х гг.
Фото Валерыя Пінчука

развитию национального движения [7]. В дополнение к вышеизложенному в начале 1960-х годов власти начали антирелигиозную кампанию, повлекшую снос множества древних (начиная с XII века!) храмов в центрах белорусских городов [8]. Также, на волне прощания со сталинским неоклассицизмом, в СССР восторжествовало международное движение модернистской архитектуры, приведшее, как и во многих городах на Западе, к разрушению рядовой исторической застройки [9]. Учитывая все это, можно сказать, что к середине 1960-х годов ситуация с национальными наследием и культурой достигла «точки зера».

И в этот момент началось обратное движение маятника. Вдохновленная оттепелью и связанным с ней расцветом советской культуры общественность ощутила определенную флуктуацию пост-хрущевского периода: новый руководитель КПСС Леонид Брежнев решил умерить модернизационный азарт СССР,

многие проявления которого перерастали в неприкрытый волонтаризм. Отношение к исторической памяти, этническим и религиозным традициям стало более взвешенным. Общество в БССР, как и в других советских республиках, разочаровавшись в оттепели, с энтузиазмом восприняло данную тенденцию и в период следовавшего общественно-политического застоя нашло утешение в изучении национальных традиций. Сформированный таким образом запрос в свою очередь подтолкнул местные политические элиты БССР к поощрению развития целых институтов, занимавшихся сохранением национального культурного наследия: его выявлением, охраной и восстановлением. В результате начавшийся после медленной раскочки период второй половины 1980-х годов, совпавший с горбачевской перестройкой, называют временем национального белорусского возрождения.

Получается, что история культурного наследия в Советской Беларуси – это история 25 лет, когда с середины 1960-х до самого конца СССР и образования независимого государства Республика Беларусь в 1991 году были сформированы все основные институты наследия. На протяжении этого столь короткого по европейским меркам времени культурное наследие из области специфического интереса некоторых интеллектуалов переросло в целый сектор, определяющий культурный ландшафт, национальную политику, а также непосредственное управление городами.

Таким образом, процесс становления сферы наследия хронологически полностью совпадает с движением страны к независимости: от некоторого оживления белорусской советской постсталинской общественной жизни в период хрущевской оттепели до образования Белорусского Народного Фронта и провозглашения нового национально ориентированного государства.

В данной работе я собираюсь рассмотреть тему становления институтов наследия в Беларуси в следующих трех аспектах:

1. Рост общественного запроса и накопление представлений о наследии, становление институтов его государственной охраны.
1968 – год, когда были учреждены две институции: Кафедра истории архитектуры Белорусского политехнического института и Сектор сбора памятников истории и культуры Академии наук БССР. Целью обоих отделов было формирование представления об объеме и отличительных особенностях белорусского культурного наследия, прежде всего архитектурного. К 1990 году было завершено семитомное издание Сбор памятников истории и культуры Беларуси. В тот же период сформировались государственный охранный список, а также национальное законодательство по охране культурного наследия. В какое-то время оно даже опережало ана-

логичное союзное законодательство. Созданное в 1966 году Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры достигло к концу 1980-х годов более миллиона членов (10 % населения БССР!), и оно было не единственным.

2. Создание реставрационных предприятий, мануальное воздействие на объекты наследия и их материализация в реадaptированном виде.
1968 – также год создания Специальных научных реставрационных проектных мастерских (СНРПМ). Первоначально узкопрофильная организация, объединяющая чисто хозяйственный (приспособить к культурным нуждам) и романтический (восстановить!) подходы, в начале 1990-х годов становится настолько влиятельной, что выдвигает своих представителей в советский парламент, Верховный Совет БССР, и в местные избираемые органы. За 20 лет портфолио организации расширяется с менее чем десяти до нескольких сотен объектов. Ее деятельность получает политическую поддержку до такой степени, что в 1991 году Главное управление по реставрации становится подразделением, подчиненным непосредственно Совету министров, по сути, наравне с министерствами.
3. Установление наследия в качестве фактора управления белорусскими городами.

С конца 1960-х и вплоть до начала 1980-х годов белорусские города находились во власти идей модернистской архитектуры. Рядовая историческая застройка не считалась ценной и постепенно замещалась широкими проспектами и бруталными конструкциями. Тем не менее, постепенно идеи средового подхода к сохранению архитектурных памятников проникали в офисы градостроителей и к концу 1980-х годов сохранение исторических центров стало определять градостроительную политику во всех крупных городах. Более

того, началось обратное движение к восстановлению утраченных памятников и городской планировки. Сами восстановления были осуществлены во множестве городов и определили практику градостроения в первые 20 лет независимости [10].

Естественно, все эти тенденции развивались не на пустом месте, а в ситуации непрекращающейся борьбы с мощными советскими институциональными установками. В самом деле, интересно наблюдать, как во всех трех названных аспектах истории наследия советские модели отношения к прошлому и его свидетельствам сперва уверенно конкурировали, а затем проигрывали национальным. Советская классовая идеология, марксистское представление об истории, советское градостроительство – идеалы всего этого формировались еще в 1920–30-х годах, будучи серьезно фундированными в интеллектуальном смысле, а также поддерживаемыми советской политической системой и хозяйственно-экономической моделью. Но постепенно, под натиском развивающегося национализма, они становились неконкурентоспособными как в смысле общественной востребованности, так и в смысле профессионального мировоззрения тех, кто непосредственно работал в секторе наследия [11].

История наследия в период независимой Беларуси – это ситуация стагнирующего общества, уставшего от национальной борьбы и постепенно падающего в объятия авторитаризма. После достижения независимости интерес к наследию понемногу угасает. Однако он уже никогда не угаснет целиком, т. к. за прошедшее до 2020 года время сформирована внушительная инфраструктура: наследие изучают в школе, реализуются госпрограммы, работают реставраторы, все большее развитие получает внутренний и международный туризм, как грибы растут общественные организации. С ростом белорусской экономики местные власти отваживаются на масштабные реконструкции исторических центров,

что в свою очередь рождает локальные градозащитные движения. Самые сильные – в Гродно, Гомеле и Минске.

Стержневыми сюжетами данного периода является апробация и конкуренция новых идей и концепций наследия, импортируемых прежде всего из западных стран. Эти новые интернациональные идеи уже далеко не всегда коррелируют с закрепившимися к 1991 году национальными установками. Прежде всего, лишь в новый период Беларусь стала полноправным участником Конвенции ЮНЕСКО 1972 года, примерив на себя идею Всемирного наследия. Затем она одной из первых стран ратифицировала Конвенцию 2003 года об охране нематериального наследия, что повлекло за собой установление новой экосистемы фиксации и охраны такого типа наследия. Сегодня мало вспоминают об участии белорусов в работе международных организаций, например по линии Совета Европы (периодическое отмечание Дней европейского наследия или, скажем, участие в разработке Рижской хартии 2001 года), международных ИКОМОСа и ИКОМа (чего только стоят попытки воплощения в Заславле и Полоцке идей новой музеологии! [12]).

В новых экономических условиях, в ситуации распространения ранее неведомой в советском обществе частной собственности и становления рыночной экономики происходит разработка новых управленческих решений (например, учреждается ОАО «Старый Менск», ставшее впоследствии КУП «Мінская Спадчына»). Разгораются дискуссии относительно брендов белорусских городов.

Новое время приносит и новую эстетику: к нам приходит постмодернизм, игра в стили и новые идеи в реставрационном проектировании, что порождает пресловутые дискуссии о том, уместен ли в средневековом замке хай-тек, а заодно и лифт со стеклопакетами. Параллельно восстанавливаются ранее до основания разрушенные церкви, костелы, ратуши и замки.

В конечном счете начинается распространение идей о сообществах наследия и их праве на участие в принятии решений, разрабатываются представления о социальном потенциале наследия, появляются местные фонды и объединения неравнодушных к судьбе конкретных объектов граждан.

Вот лишь некоторые из весьма любопытных сюжетов истории наследия независимой Беларуси. К сожалению, все это было прервано волной политических репрессий, на долгие годы захлестнувшей Беларусь после проигранных действовавшей властью президентских выборов в августе 2020 года.

Первые важные заключения

Несмотря на то, что работа над составлением целостной истории сохранения культурного наследия в БССР и независимой Беларуси только начата, предварительный обзор источ-

ников, тестовые интервью, а также первичное погружение в тему уже позволяют сделать несколько заключений. Пусть они пока и находятся в статусе гипотез, нуждающихся в проверке, но все же эти заключения, на мой взгляд, весьма любопытны.

Во-первых, наследие, равно как и общественная и профессиональная дискуссия вокруг него, является маркером развития национализма, а также его непосредственным наблюдаемым проявлением. Общественное и профессиональное движение в защиту памятников стало важным требованием в погоне за обретением белорусской субъектности, и чем дальше, тем выразительнее это формулировалось. В этом процессе считывался запрос, на который тут же давался ответ. Все это происходило так стремительно, что неповоротливость отдельных экспертов и целых институций проявлялась сразу же. Именно эта логика погони за субъектностью позволяет объяснить многие повороты истории насле-

дия, она во многом показывает, почему было так, а не иначе, почему именно этих людей выносила вперед история, и почему разгорались именно такие дискуссии.

Именно развитие национального самосознания является двигателем процессов в защиту памятников, и наоборот, по степени интенсивности сохранения культурного наследия можно сделать обратное заключение о завершении оформления субъектности белорусской нации на современном этапе.

Во-вторых, история сохранения наследия – это такая феноменальная вещь, которую вообще невозможно представить линейно. Скорее она представляет собой параллельное развитие в различных сферах, осуществляемое различными и не всегда связанными между собой акторами. В результате обнаруживается парадокс: тем, кто находился внутри какого-либо из обозначенных процессов, часто казалось (и они про это активно рассказывают в интервью!) что движения не происходило вовсе, и что сохранение разрушаемого наследия являлось совершенно «гиблым» делом. Вспомним хотя бы советские реставрации, длившиеся по 30 лет или издание Свода памятников истории и культуры, занявшее 20 лет. Но если смотреть со стороны, то благодаря совместной синергии всех процессов за те же 30 лет произошли существенные сдвиги, система поменялась чуть ли не до неузнаваемости, в чем легко убедиться, сравнив ситуацию с сохранением наследия в БССР в условном 1968-м и 1990-м годах.

Кстати, по поводу ощущения времени: обнаруживается, что заслуга в создании большинства самого актуального, самого прогрессивного из того, что было в различное время сделано в нашем наследии, принадлежит людям в возрасте 25–30 лет. История белорусского наследия в буквальном смысле сотворена молодыми!

В-третьих, при рассмотрении истории сохранения культурного наследия в Беларуси неплохо видна ее европейская перспектива.

Вопреки сложившемуся в экспертной среде определенному «комплексу неполноценности» нашей культуры, белорусское движение за сохранение наследия в этой перспективе вовсе не предстает «бедным родственником». Белорусам есть чем гордиться в области культурного наследия. Начиная с 1960-х годов мы прошли примерно тот же сложный путь, который был характерен для других стран постсоциалистического региона: Украины, Литвы, Польши и Чешской Республики. Мы реагировали на общие вызовы и сейчас обладаем совместным опытом, на который вполне можно опереться при реформировании сектора наследия в новой Беларуси. Но нам близка не только проблематика постсоциалистических стран, ведь и в западной Европе профессионалы решали те же вопросы, связанные с соотношением старого и нового, нужного и ненужного, частного и общественного.

Таким образом, на мой взгляд, история сохранения наследия в Беларуси при должном подходе может существенно дополнить наши представления о национальном культурном процессе. В конце концов, нам так остро необходима позитивная история созидания, что в этом может крыться и серьезный коллективный психотерапевтический эффект. Осталось... её написать!

Использованная литература

- [1] Janušauskaitė, Viltė. Urbanistinio paveldo apsauga sovietinėje Lietuvoje: idėjos ir praktika. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus Universitatas, 2019. 434 p.
- [2] Alatalu, Riin. Muinsuskaitse siirdeühiskonnas 1986–2002: rahvuslikust südametunnistusest Eesti NSV-s omaniku ahistajaks Eesti Vabariigis. Dissertationes Academiae Artium Estoniae. Tallinn: Eesti Kunstiakadeemia, 2012. 279 lk.
- [3] Dettloff, Pawel. Odbudowa i restauracja zabytków architektury w Polsce w latach 1918–1930. Teoria i praktyka. Kraków: Universitas, 2006. 500 s.
- [4] Слюнчанка, Валерый. Ляцеў з аблокамі я побач: нарысы, артыкулы, эсэ, вершы, успаміны, графіка, выцінанкі. Мінск: Артыя Груп, 2015. 207 с.
- [5] Багласов, Сергей. Возрождение исторического центра Минска: 1980–2016 гг.: научно-реставрационный отчет научного руководителя объекта: (документальная хроника). Минск: Змицер Колас, 2019. 123 с.
- [6] Жых, Міхаіл. Спадчына Мінска. Аднаўленне гістарычнага цэнтра. Мінск: ІВЦ Мінфіна, 2020. 234 с.
- [7] Bekus, Nelly. Struggle over Identity. The Official and the Alternative “Belarusianness”. Central European University Press, 2010. 313 p.
- [8] Гужалоўскі, Аляксандр. Антырэлігійная кампанія ў БССР канца 1950-х – першай паловы 1960-х гг.: ціск на святароў і вернікаў // Беларускі гістарычны часопіс №2, 2021. С. 3–10.
- [9] Памятники архитектуры в Советском Союзе. Ред. А. С. Щенков. Москва: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.
- [10] Кишик, Юрий. Белорусский город в ретроспективе XX в. Минск: Беларуская навука, 2019. 420 с.
- [11] González, Pablo Alonso. Communism and cultural heritage: the quest for continuity // International Journal of Heritage Studies. October 2016, Volume 22.
- [12] Калбаска, Аляксандр. Музейны Дыярыуш, ці Уваходзіны ў новую музэялогію. Мінск: БелІПК, 2000. 147 с.